

В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б).

Дорогие товарищи!

Я должен сообщить, что постановление ПБ относительно моего письма основано на некоторых недоразумениях, в которых, б.м., виноват я сам, плохо формулируя свои мысли в теперешнем состоянии.

1) Я никогда и нигде, в связи с этим проклятым "делом", не отказывался от ответа. Я отнюдь не отказывался "держать ответ" и перед пленумом ЦК, ни перед прошлым (где я выступал устно, и куда я послал пространный критический разбор речей), ни перед предстоящим. Предстоящему пленуму я послал подробный - насколько у меня было времени и физических сил - письменный ответ. Я полагал, что на основании этого ответа пленум может судить о мере достоверности показаний клеветников. Ведь, в таких сложных обстоятельствах, где речь идет о множестве фактов, более спокойное (относительно!) и формулированное более точно (и письменно) мнение и мысль, более весомы и более значительны, чем реплики и быстрые ответы, да еще в состоянии, крайне далеком от нормального. Так мне казалось. Я для того и писал дни и ночи напролет, выбиваясь из сил, чтобы тем самым "держать ответ". Я думал, что "держу ответ" в более строгом и более деловом смысле, как и подобает с точки зрения возможно более тщательного ведения дела. Может, я ошибаюсь, но именно это было моей мыслью. Поэтому я ориентировался

на заранее посланный ЦК письменный ответ.

2) Точно также у меня и в мыслях не было отказываться приходить на пленум, как не было и мысли отказываться отвечать. Я просто констатировал, что физически не могу притти. Разумеется, и это относительно (ибо можно человека и принести). Я рассуждал с точки зрения целесообразности, принимая во внимание свое фактическое состояние (которое всегда подлежит проверке, если это требуется). Я настолько нервно истощен в течение месяцев ежедневными мучениями, настолько изранен душевно, настолько потрясен, что все время лежу, потерял память, не могу быстро соображать (у меня выпадают целые куски из памяти), иногда даже не нахожу слов. Это совершенно исключительное нервное истощение и физическая крайняя слабость (как только встаю с постели - головокружение) делают мое присутствие фактически бесполезным⁺) (при обдумывании и изложении мыслей на бумаге, при времени, это совсем другое дело). Если вы считаете, что, несмотря на все это, моя неявка есть отказ, то я постараюсь мобилизовать последние ресурсы и с чьей-нибудь помощью притти. Вот как обстоит это дело.

3) Я не делал и не хотел делать предложения о том, чтоб не сообщать пленуму о голодовке. Я сам об этом пленуму не писал, ибо считал, что в противоположном случае это могло бы подвергнуться более быстрой огласке, что отнюдь нежелательно, ибо огласка вообще нежелательна. Затем я по-

+) Если только исключительное нервное возбуждение не превратится в последнюю вспышку энергии. А может быть совсем наоборот.

лагал, что это нужно, однако, сообщить ПБ, чтобы дело не выглядело так, точно я хочу что-то сделать за спиной ПБ.

4) Что касается самой голодовки, то я очень прошу войти в мое положение. Я - после многих месяцев мучений, несколько ночей и дней (почти без сна) читал гору показаний, сличал их, писал для пленума ответ. Тут грянула смерть Серго. Я почувствовал себя в такой трагической изоляции, в таком ужасном, нестерпимом положении, что все померкло: лучше ничего, чем такая жизнь, когда люди, с которыми я связан всем, смотрят на меня, как на разбойника и преступника, в то время, как я ни в чем не виноват. Глубочайшая тоска перешла в желание что-то сделать, чтобы показать, что я не могу мириться с таким положением. Прошу товарищей понять, что так жить нельзя. Я и решил тихо умереть, как от болезни, без шума, чтобы не наносить вреда партии. Поймите также, что я сейчас не тактикой какой-то занимаюсь: я стою в совершенно других измерениях - мне просто мучительно жить. Поэтому нельзя рассматривать такие мои шаги, как рациональные: это непосредственная реакция на мученье, это стремление сохранить себя от немислимых терзаний, аннулируя себя. Я не могу жить с клеймом, которое на мне ставят (в "Изв", в "Б-ке", на демонстрации, в ряде резолюций и т.д.). Я не виновен. Я не Радек, Пятаков и К-о. И я просто не могу дальше обретаться в таком положении. Разумеется, я подчинюсь любому решению ЦК. Но я не могу ни при каких обстоятельствах признавать за собой преступления, коих не совершал и совершать органически не мог

Я очень прошу сообщить членам ЦК и настоящее мое письмо

С тов. пр. Н. БУХАРИН.

(Февраль 1934г.)